
В. Я. ПЕТРУХИН

Как начиналась Начальная летопись?*

Д. С. Лихачев начинал историко-литературный очерк к академическому изданию «Повести временных лет» с утверждения о логической стройности и единстве летописного повествования, в котором сливались в единое целое произведения разных жанров. Это представляется очевидным уже из последующей истории «Повести» — она оставалась понятной и востребованной на протяжении всех последующих столетий русской историографии.

Между тем текстологические задачи изучения истории этого синтеза требовали членения этого логически стройного текста на «исторические» составляющие, в том числе выделения фрагментов гипотетических предшествующих ПВЛ сводов. И хотя «Повесть временных лет» традиционно именуется Начальной летописью, так как действительно представляет собой первое дошедшее до нас композиционно целостное летописное произведение, реконструированный А. А. Шахматовым свод, предшествующий «Повести», также с определенным основанием назван был Начальным.

Начальный свод в целом был надежно реконструирован на основе сравнительного анализа сходных текстов ПВЛ (прежде всего в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях) и Новгородской первой летописи (Н1Л): согласно этой реконструкции он завершался статьей 1093 г., не читавшейся в Н1Л, но имевшей ряд сходных мотивов с введением к новгородской летописи. Так что введение к Н1Л, не читавшееся в ПВЛ, считалось все же введением к киевскому Начальному своду: «Временник, еже есть нарицается летописание князек и земля Руския, и како избра Бог страну нашу на последнее время, и грады почаша бывати по местом, преже Новгородчкая волость и потом Киевская, и о поставлении Киева, како во имя назвася Киев».¹ Далее следует рассуждение, основанное, как считалось (без особых оснований), на Хронографе по великому изложению,² компиляции, использованной составителем Начального свода: как Рим был на-

* Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте».

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 103.

² Согласно древнерусским хронографам, в том числе и реконструируемому Хронографу по великому изложению, Рим был основан, естественно, *Ромом* (Ромулом), но не Римом (Ремом) (ср.: Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1. Текст. С. 78—82). Приводимая Шахматовым (Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2. С. 410) параллель из Чудовского списка Еллинского летописца, где старшим братом, основавшим город, назван Рим, может прояснить источник Введения к Н1Л, который, однако, не связан с начальным летописанием. Ср. указание того же Шахматова (Там же. С. 408) на рассуждение составителя Тверского сборника: «Якоже древле Ром постави полату и нарече град Ром, потом преименова его Рим, убисниа ради брата своего Рима».

зван «во имя» царя Рима, Антиохия в честь Антиоха и Александрия в честь Александра, «тако ж и в нашей стране зван бысть град великим князем во имя Кия, его же нарицают тако перевозника бывша; иней же: ловы деяше около города». Композиционная несообразность этого текста давно бросалась в глаза: после заявления о первенстве Новгородской волости следовало бы и рассказывать о Новгороде. Но Шахматов настаивал, что текст этот составлен как раз в Киеве, и усматривал даже в упоминании гор, где «древле погании жряху бесом», а ныне стоят церкви, киевские реалии. Конечно, этот библейский фразеологизм нельзя прямо относить к каким бы то ни было «реалиям», но противоречия в тексте введения к НІЛ, кажется, снимаются, если признать, что фраза о первенстве Новгородской волости вставлена позднейшим новгородцем-патриотом.³

Однако все не так просто, ибо во введении к НІЛ наименование Кия «великим князем», а затем «перевозчиком» и «ловцом» явно отсылает к некоему тексту, где это противопоставление было бы как-то прояснено. Этот текст и содержится в легенде ПВЛ о Кие, Щеке и Хориве, где говорится, что Кий был князем, а не перевозчиком, и ходил на Царьград, но он был изъят из варианта киевской легенды новгородской летописи, где Кий князем не именуется. Можно понять, почему новгородец изъят, казалось бы, актуальный для него рассказ о походе Кия в Царьград и получении им княжеских почестей от царя: ведь киевская легенда перемещена в НІЛ из вводной части в летописную статью 6362 г., повествующую о царствовании Михаила III, но при нем на Царьград ходил не Кий, а Аскольд и Дир, о чем и рассказывается в той же статье НІЛ.⁴

Видимо, дело в том, что для новгородца — составителя НІЛ, имевшего перед собой Киевский Начальный свод, это хронографическое повествование о Киеве было все же отступлением от темы, о чем он и говорит сам после рассказа о «великом князе» Кие и благочестивого рассуждения о победе христианства: «Мы же паки на последование возвратимъся, глаголюще сице о начале Русьския земля и о князех, како откуда быша». Правда, и далее составитель введения говорит не о начале Руси и не о происхождении князей, а призывает читателей прислушаться к тому, «како быша древнии князи и мужие их, и како отбараху Руския земля, и ины страны придаху под ся; теи бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж, въскладаху люди; но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружине на оружье». Соответственно и дружина кормилась, «воюя чужие страны», а не говорила: «мало есть нам, княже, двухсот гривен», довольствовалась серебряными, а не золотыми «обручами» для жен, «и расплодили были землю Русьскую». Ныне же «за несытоство навел Бог на ны поганяя, а и скоты наши, и села наша и имения за теми суть».⁵

А. А. Шахматов, настаивавший на принадлежности введения Начальному своду 1093 г., стремился увязать обвинения русских князей в «несытостве» с характеристикой вокняжившегося в 1093 г. Святополка Изяславича в одном из рассказов Киево-Печерского патерика, но сам текстолог признавал, что собственно в летописных текстах такая характеристика отсутствует. Зато в большей мере упреки князьям НІЛ соответствуют тексту, который читается в ПВЛ под 1093 г., об оскудении земли «от рати и продаж» и нашествии «поганых» половцев. Само по себе это соответствие не противоречит шахматовской реконструкции, ведь ПВЛ также отражала Начальный свод. Но далее в ПВЛ есть еще одно соответствие нашему введению уже за границами, отводимыми Начальному

³ Ср.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 95. А. А. Гиппиус предположил, что вставка была произведена при составлении владычной новгородской летописи, так называемого свода 1167 г. (Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 40 и след.).

⁴ Ср.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 51—53.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 103—104.

своду: под 1097 г. описываются распри между русскими князьями. Владимир Мономах намеревается отомстить Святополку Киевскому за преступление, но «кыяне» молят его: «Молимся, княже, тебе и братома твоима, не можете погубити Русские земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и възмут землю нашу, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьствомъ, побараяще по Русьской земли, ины земли приискываху». И хотя Шахматов⁶ предполагал, что эта фраза ПВЛ заимствована из введения к Начальному своду, текстологически обосновать такое заимствование затруднительно: слишком очевидна принадлежность самой идеи единства Русской земли перед половецкой угрозой тому летописному контексту, который связан с княжением Мономаха. Скорее здесь следует усматривать обратное влияние ПВЛ на новгородскую летопись или «общие места» летописного и хронографического повествования: введение к НЛ, повествующее об избрании Богом Русской земли на «последнее время», явно перекликается с мотивами Толковой Палии: «в последняя лета оставят сынове ваши простоту и прилепятся несыговьству».⁷

Проблема «общих мест» оказывается весьма содержательной именно в отношении введения к НЛ, ибо остается неясным, вопреки обещаниям составителя новгородской летописи, кто же те «древние князи» и их мужи, что «расплодили» Русскую землю. Ясно, что к ним не может относиться Святослав Игоревич (не говоря уж о самом Игоре и Олеге), которому был адресован упрек: «ты, княже, чюжеи земле ищещи и блудиши, своя ся охавив; мало бо нас не взяша Печенежи».⁸ Остается Владимир Святославич, с которым связан характерный мотив начального летописания: дружина ропшет, что ест деревянными ложками, и князь «повеле иськовать лжици сребрены», ибо «сребром и златом наестися не имам дружине, а дружиною налезу злато и сребро, якоже дед мои и отець мои доискашесь злата и сребра дружиною».⁹ Этой дани традиционному дружинному этикету нельзя придавать буквальный исторический смысл: из летописи известно, чего «доискались» дружины Игоря и Святослава.

Риторическое противопоставление героических древних времен «последним» может относиться к любой эпохе и любому этапу составления летописного свода. Но в риторическом введении к НЛ имеются все же вопросы, на которые призван ответить последующий летописный текст: это вопросы о становлении городов и волостей и, главное, повторяющийся вопрос о начале Русской земли, разделяющий рассуждения о победе христианства и древних князьях и завершающий само введение: «Мы же от начала Рускы земля до сего лета и все по ряду известно да скажем, от Михаила цесаря до Александра и Исакья».¹⁰

В последующей статье говорится: «В лето 6362 (854). Начало земли Руской. Живяху кождо с родом своим на своих мѣстех и странах, владеюща кождо родом своим. И быша три братия...». Далее текст об основателях Киева — братьях Кие, Щеке и Хориве, соответствующий космографическому введению ПВЛ — фрагменту о киевском племени полян, но не говорящий ничего о руси. О руси говорится лишь потом, в связи с походом на Царьград, но это очевидная вставка из греческой хроники Амартола, так как она разрывает текст о полянах, ко-

⁶ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. // Академик А. А. Шахматов. М.; Л., 1947. С. 158—159; ср.: Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 175—176; Петрухин В. Я. К ранней истории русского летописания: о предисловии к Начальному своду // Слово и культура: Памяти Н. И. Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 354—363.

⁷ Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. М., 2002. Т. 5. С. 374.

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 119.

⁹ Там же. С. 167.

¹⁰ Там же. С. 104.

торый продолжается после описания поражения руси под Царьградом. «По сих летех братиа сии (Кий, Щек и Хорив. — В. П.) изгибоша», поляне же были «обижены» древлянами и другими соседями, далее рассказывается о хазарской дани на полянах, приходе варягов Аскольда и Дира в Киев, и лишь затем — о варяжской дани с людей новгородских, изгнании варягов и последующем призывании варяжских князей с дружиной, от которых «прозвашася русь». Итак, в НІЛ очевидно внутреннее противоречие: начало Русской земли «формально» относится к повествованию о Киеве, а рассказывается о происхождении Руси в Новгороде.

Традиционно считалось, что в НІЛ и, стало быть, Начальном своде начало истории Русской земли отождествлялось с историей киевских полян. Эта реконструкция не только не устраняла внутренних противоречий реконструируемого текста, ибо ни поляне, ни их земля не отождествлялись в НІЛ с русью, но и игнорировала принципиально различное отношение к полянам в двух летописях. Действительно, в космографическом введении ПВЛ поляне противопоставлены прочим «поганым», в первую очередь — древлянам, как имеющие обычай «кроток и тих» — живущим «звериньским образом».¹¹ В НІЛ хоть и говорится, что Кий, Щек и Хорив «беша мужи мудри и смыслене», но о полянах тут же сказано: «бяху же погане, жруще озером и кладязем и рощением, якоже прочии погани».¹² Киевский этноцентризм явно чужд здесь новгородцу.¹³

Наконец, отнесение введения к НІЛ только к Начальному своду не вполне учитывает композицию самой НІЛ. Между тем концовка введения к НІЛ прямо отсылает к правлению Алексея и Исаака Ангелов, которым и должно кончиться повествование.

Эта концовка не случайна, ибо НІЛ включает «Повесть о взятии Царьграда фрягами»,¹⁴ и падение «богохранимого» града Константина в правление упомянутых кесарей воспринималось в православном мире как предвстие грядущего конца света — «последних времен», о которых и говорится в начальной фразе введения к НІЛ. Существенно, что «Повести о взятии Царьграда» в НІЛ предшествует (под 1203 г.) рассказ о разорении Киева и разграблении его святынь русскими князьями и погаными половцами. В этом контексте понятным становится пафос введения к НІЛ, обличение «несытства» русских князей и их дружинников, из-за которого «навел Бог на ны поганая»; и это не простой набег — ведь «и скоты наша и села наша и имения за теми суть». Речь здесь идет, вопреки Шахматову, уже о монголо-татарском нашествии, ниже описанном в НІЛ эсхатологическими красками «последних времен»: «Да кто, братье и отци и дети, видевши Божие попушение се на всен Руской земли; грех же ради наших полустуи Бог поганая на ны».¹⁵

¹¹ Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996. С. 10—11.

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 105.

¹³ Ср.: Насонов А. Н. История русского летописания. XI—начало XVIII века. М., 1969. С. 76.

¹⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 103—104. Ср.: Шахматов в А. А. История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 388 и след.; Повесть временных лет. С. 367. Зависимость введения от «Повести о взятии Царьграда» явствует, в частности, из того, что Алексей Ангел назван во введении Александром, так как «Повесть» давала сокращенный вариант имени императора — Олекса (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 240).

¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 289. Ср.: Шахматов в А. А. История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 383 и след. Интересно, что Шахматов, отрицая принадлежность введения к эпохе монгольского нашествия, находит, кроме того, «возможным допустить, чтобы Предисловие было написано во второй половине XII столетия лицом, видевшим продолжительную борьбу Юрия Владимировича с Изяславом Мстиславичем из-за Киева, почувствовавшим тот страшный удар, который нанес Киеву и всему старому укладу сын Юрнев, Андрей Боголюбский» (Там же. С. 384). Здесь текстолог вновь оказывается не в состоянии отрешиться от со-

Видимо, это событие заставило составителя НЛ в середине XIII в. заменить раннее введение и переместить акцент с начала Русской земли на «последние времена». Следы этой замены очевидны в тексте НЛ: повествование о начале Русской земли начинается там фразой «живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеюша кождо родом своим» и далее о трех братьях, Кие, Щеке и Хориве. Шахматов, вслед за А. И. Соболевским, отмечал невнятность такой фразы в качестве начальной,¹⁶ но ни тот, ни другой не обратили должного внимания на то, что фраза о живущих со своим родом по своим местам является парафразом из библейской Таблицы народов. В ПВЛ этот текст действительно вводит повествование о поселении полян на Днепре, завершающее рассказ о расселении славян среди потомков библейского Иафета. Значит, можно предположить, что Начальный свод имел космографическое введение, сходное с введением к ПВЛ.¹⁷ Само по себе это введение представляется естественным для средневековой хронографии, рассматривающей историю собственного народа (или мира) как продолжение священной истории: так начинались и греческие хроники Малалы и Амартола, и Хронограф по великому изложению, известные русским летописцам и использованные ПВЛ.¹⁸

ПВЛ, в отличие от этих хронографов, опускает сотворение человека, начинает «повесть сию» не с Адама и Сифа, а с нового творения — разделения земли сыновьями Ноя по потоке. Логика такой композиции в общем понятна: летописец стремится сразу найти ответ на заглавный вопрос своей «повести» — «откуда есть пошла Руская земля» — и начинает прямо с описания стран, разделенных сыновьями Ноя, и «языков» — народов, от них произошедших.

Вместе с тем сюжет сотворения мира — «Шестоднев» — присутствует в ПВЛ, но в другом месте — в «датированной» части, под 986 г., в так называемой Речи Философа, обращенной к князю Владимиру. Князь выбирает веру, и греческий Философ выступает перед ним с катехизисом — кратким изложением библейской истории, ветхозаветных провозвестий пришествия мессии и символа веры. Один сюжет библейской — «ветхозаветной» — истории естественным образом повторяется в космографическом введении и Речи Философа: это упоминание тех же трех сыновей Ноя, умножения их потомства, строительства Вавилонской башни и разделения языков. Сами тексты, однако, не повторяют друг друга: в космографическом введении подробно дается мотив столпотворе-

временных ему историографических схем, в то время как новгородский летописец рассказывает о «страшном ударе», нанесенном Киеву, лишь следующее: «Иде князь Юрьи Андреевиц с новгородци и с ростовци Киеву на Ростилавица и прогнаше ис Києва, и стояше под Вышегородом 7 недель, и придоша в Новгород вси здрави» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 223). Д. С. Лихачев предполагал, что в предисловии сознательно были опущены упреки в усобицах, ибо «Новгород в XII в. выигрывал от ослабления княжеской власти, но он существенно страдал от поборов, конфискаций, вир и других тягот» (Л и х а ч е в Д. С. Русские летописи... С. 96). Конечно, и беззакония новгородцев (под 1230 г.), и усобицы князей (под 1239 г.) привели, по летописи, к князям Божим и нашествию поганых, но в контексте НЛ это было именно монгольское нашествие.

¹⁶ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. С. 154—155.

¹⁷ Шахматов (Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 183) предполагал, что перед словами о жизни «на своих местах» читался текст о расселении славянских племен, но не развил этой мысли; О. В. Творогов (Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 7) предположил, что в Начальном своде читался некий текст, опущенный в НЛ. Этот текст и представлял собой космографическое введение. См. полемику по этому вопросу: Петрухин В. Я. К ранней истории русского летописания... С. 354—363; Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 52 и след.

¹⁸ См. о Хронографе как о композиционной основе летописи: Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания // ИОРЯС за 1921 г. Л., 1924. Т. 26. С. 45—102.

ния и расселения языков, в первую очередь — славян, в Речи — ветхозаветная история евреев.

Существенно, что при взаимной дополнительности двух летописных текстов оба они использовали один источник. Для Речи Философа А. А. Шахматов¹⁹ считал этим источником не дошедший до нас в полном виде Хронограф по великому изложению, древнерусский хронографический свод конца XI в., использовавший византийские хронографические (в том числе упомянутые Хроники Амартола и Малалы) и апокрифические сочинения. Среди апокрифических источников летописных текстов, трактующих ветхозаветную историю, Г. М. Барац²⁰ указал иудейский псевдоэпиграф — «Книгу юбилеев» или «Малое Бытие».

В специальной работе С. Франклин²¹ указал на параллели между древнерусскими, в том числе летописными, текстами и их византийскими источниками, восходящими к «Книге юбилеев». Среди них упоминавшаяся и чрезвычайно актуальная для раннего летописания и ранней русской истории заповедь, данная в Книге трем братьям Симу, Хаму и Иафету, — «не преступати никому же в жребий братень». Об исторической актуальности этой заповеди немало говорилось в историографии:²² она была повторена летописцем в связи с распрями трех сыновей Ярослава Мудрого, так же преступивших в 1072 г. завет отца, разделившего между ними Русскую землю. Летописец, свидетель княжеских усобиц и изгнания старшего Ярославича Изяслава младшими, настойчиво проводил идею братства князей. При этом он обращался и к авторитету преданий — не только варяжского, но и, прежде всего, библейского. Об этом свидетельствует дословное совпадение трех летописных пассажей:

Рассказ о Ное.

«Сим же и Хам и Афет, разделивше землю, жребьи метавше не преступати никому же жребий братень, и живяхо кождо в своей части».

Рассказ о смерти и «ряде» Ярослава.

«И тако раздели им грады, заповедав им не преступати предела братня...»

Рассказ о Ярославичах.

«...Святослав же и Всеволод <...> преступивша заповедь отню <...> А Святослав <...> преступив заповедь отню, паче же Божью. Велий бо есть грех преступати заповедь отца своего: ибо сперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову и по 400 лет отмыщенье прияша от Бога, от племени по Сифова суть евреи, иже избивше Хананейского племя, восприяша свой жребий и свою землю». Далее говорится о грехе Исава, который также преступил «заповедь отца своего».

С точки зрения летописной текстологии принципиально важно, что тексты — «жребий» и заповеди отца — читаются и в ПВЛ, и в Н1Л, стало быть, относятся к Начальному своду, как и космографическое введение, к которому они отсылают.²³

¹⁹ Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 5—150.

²⁰ Барац Г. М. Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Берлин; Париж, 1924. Т. 1. С. 83—84.

²¹ Franklin S. Some apocryphal sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic papers. 1982. Vol. 15. P. 1—27.

²² Ср.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 403—404, 458; Алешковский М. Х. Повесть временных лет. М., 1971. С. 21 и след., 59 и след.; Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. С. 122 и след.; Гиппиус А. А. Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет // Балканские чтения: 3. М., 1994. С. 136—141.

²³ Ср.: Алешковский М. Х. Первая редакция «Повести временных лет» // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 13—40.

Фрагментом этого введения следует считать и рассказ о хазарской дани, сохранившийся и в НІЛ. Хазарские старцы в повествовании о хазарской дани с полян, приславших обоюдоострые мечи, предрекают, что славянам суждено брать дань на хазарах и на «инех странах». «Яко и при Фаравоне, цари еюпеть-стем, — заключает летописец, — погибоша еюптяне от Моисея, а первое быша работающе им. Тако и си владеша, а послеже самими владеють; яко же и бысть: владеють бо козары руський князи и до днешнего дня».²⁴ Таким образом, библейский сюжет «Исхода» в летописи связан с мотивом «хазарской дани» с земли полян. Фраза «владеють бо козары руський князи и до днешнего дня» совмещает, как показал в своих комментариях Д. С. Лихачев, не только славянскую историю с библейской, но и полянскую историю с русской.²⁵

Историческая — датированная — часть летописи начинается с первого «реального» события русской истории, упомянутого в греческом хронографе, — похода руси на Царьград в царствование Михаила III.

При описании начала царствования Михаила III и в НІЛ, и в ПВЛ говорится о начале Русской земли — дан ответ на заглавный вопрос ПВЛ. При этом начальная фраза ПВЛ — «Откуда есть пошла Руская земля, кто в Кieve нача первое княжити, и откуда Руская земля стала есть» — на первый взгляд представляется тавтологической. Таковой ее считали и первые редакторы Начальной летописи, ибо в Ипатьевском и Радзивилловском списках «повтор» снят, причем в Ипатьевском — неудачно: «Откуда есть пошла Руская земля *стала есть*, и кто в неи почал первое княжити».²⁶ Это и обнаруживает первоначальность «тавтологической» редакции.

В действительности эта кажущаяся тавтология задана священной историей — библейской традицией, которую воспроизводила в своей композиции и ПВЛ. В библейской Таблице народов каждый «язык» упомянут дважды — первый раз в связи с его происхождением от конкретного потомка Ноя, второй — в связи с «реальным» историко-географическим положением; этому принципу соответствует двойное упоминание руси в космографическом введении ПВЛ и исторической части — сначала на Варяжском море в связи с варяжским происхождением, потом — в Восточной Европе, где «стала есть» Русская земля (нераспознавание этого принципа космографического описания привело в современной историографии к представлениям о «двух концепциях» происхождения руси и т. п.²⁷).

Собственно «начало» Русской земли также описано в ПВЛ дважды. Первый раз — под 852 г., открывающим историческую часть летописи: «в лето 6360, индикта 15, наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо уведахом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгород, яко же пишется в летописань гречьстемь».²⁸ Второй раз о начале Русской земли говорится под 862 г. в легенде о призвании варяжских князей в Новгород: «И от тех варяг прозвася Руская земля».²⁹ Здесь библейский принцип «инвертирован» — конкретная историческая приуроченность руси, описание ее появления в центре раннесредневекового мира, Царьграде, предшествует описанию «происхождения» от варягов в Новгороде.

²⁴ Повесть временных лет. С. 12.

²⁵ Ср.: Там же. С. 395. Существенно, что так же воспринимает историю славян близкая летописной кирилло-мефодиевская традиция. В житийной полемике с хазарскими иудеями Константин Философ напоминает об обетовании, данном Иафету: «Да распространить Бог Иафета, да ся вселит в села Симовы» (БЛДР. Л., 1999. Т. 2. С. 44).

²⁶ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 2. Ср.: Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 515.

²⁷ Ср.: Петрухин В. Я. Древняя Русь... С. 69 и сл.

²⁸ Повесть временных лет. С. 12.

²⁹ Там же. С. 13.

Показательно, что та же инверсия имеет место и в НЛ: после главки о начале Русской земли и походе на Царьград в первой летописной статье говорится о призвании варяжских князей: «И от тех Варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля; и суть новгородские людие до днешняго дня от рода варяжска».³⁰ Шахматов настаивал, что эта фраза в НЛ вставлена из ПВЛ, но не учитывал единства структуры текста обеих летописей, дважды специально повествующих о происхождении Руси. Более того, создается впечатление, что и ПВЛ, и НЛ отвечали на один заглавный вопрос.

Это впечатление усилится и конкретизируется, если учесть характерную черту ранней хронографии в целом: 30 лет назад в статье «О космологических источниках раннеисторических описаний» В. Н. Топоров, опираясь на работы М. Элиаде, показал, что для большой группы текстов, включающей ПВЛ, характерно не только космографическое введение в историю, но и вопросо-ответные формулы, предопределяющие структуру последующего текста.³¹ Эти формулы действительно были присущи древнерусской риторической традиции (воспринятой из Византии), начиная со «Слова о Законе и Благодати»,³² свойственны были древнейшему и важнейшему пласту летописных текстов в сюжете выбора веры князем Владимиром, который завершается настоящим катехизисом.

Естественно, образцом для космографического введения были византийские хроники и основанный на них (и библейской традиции) Хронограф по великому изложению, и в этом смысле повествование о начале Русской земли должно было быть вписано в «готовую историографическую схему».³³ Но ответа на главный для летописца вопрос эта историография не давала: напротив, первое упоминание Руси у продолжателя Амартола было чисто негативным — «безбожная русь» осмелилась напасть на Константинополь. Рассказ о начале Русской земли должен был опираться на собственную эпическую традицию. Русская история в летописании начинается с ответов на начальные вопросы: «Откуда есть пошла Руская земля» и «откуда Руская земля стала есть». Однозначный ответ на эти вопросы содержат и НЛ, и ПВЛ: от призванных из-за моря «варяг прозвася Руская земля», обосновавшиеся в Новгороде, а затем в Киеве словене и варяги Олега и Игоря «прозвашася русью».

Вопрос о том, «кто в Киеве нача перве княжити», очевидно, разрывает это структурное единство, что требует специального объяснения. Как мы видели, киевская легенда относится к древнейшим пластам русского летописания: при этом летописец (или его информанты) отказался от образа Кия как традиционного фольклорного первооселенца-перевозчика,³⁴ превратив его в князя, ходившего на Царьград. Зачем ему понадобилось такое превращение? Это неясно из текста НЛ, хотя Кий именуется там во введении «великим князем». После рассказа о хазарской дани и власти русских князей над хазарами НЛ возвращается «на преднее» и говорит, что «по сих, по братьи тои» неведомо откуда в Киев пришли два варяга Аскольд и Дир и «нарекостася князема». Последующие претензии к Аскольду явившегося в Киев Игоря в контексте НЛ неясны: заявление, что Аскольд «неста князя, ни роду княжа» явно заимствовано из текста ПВЛ (где двойственное число относится к Аскольду и Диру) и приписано Игорю. В ПВЛ рассказывается об Аскольде и Дире как о боярах Рюрика, специально говорится, что эти мужи «не племени его», что они овладели Киевом, узнав у

³⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 106.

³¹ Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Из работ московского семиотического кружка. М., 1997. С. 128—170.

³² Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 51 и след.

³³ Еремин И. П. Литература древней Руси. М.; Л., 1966. С. 54—55.

³⁴ Ср.: Смирнов Ю. И. Первожители с единственным топором // Балто-славянские исследования. 1997. М., 1998. С. 372—373.

полян, что три брата основателя града «изгибоша», т. е. вокняжились в «выморочном» граде.³⁵ Когда Олег, которому Рюрик передал княжение как сородичу — «от рода его сушу», с малолетним Игорем является следом в Киев, он с полным основанием обличает Аскольда и Дира «вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа».³⁶

Летописца принято обвинять в тенденциозности, часто без особых оснований: здесь некие основания для подобных претензий имеются, ибо киевским наследникам Рюрика важно было продемонстрировать легитимность своей княжеской власти жителям города, которые еще помнили о своих первых князьях Аскольде и Дире и видели их могилы. Для этого понадобилась книжная легенда о древнем князе Кие, не оставившем потомков. С чем могло быть связано несуразное сокращение исходного текста в НЛ и что могло заставить редактора этого текста переиначить судьбу Олега? Если исходить из самого текста НЛ, то таким основанием могла быть известная ему и альтернативная киевской легенда о могиле Олега в Ладоге.

В результате я прихожу к заключению об отсутствии текстологических оснований, которые позволили бы в реконструкции отрывать содержание Начальной летописи от заглавных вопросов³⁷ и тем более от космографического введения. Космографическое введение и заглавные вопросы о происхождении Русской земли и первом князе в Киеве читались во вводной части Начального свода. Если опираться на наблюдения Шахматова и Истрина и признавать, что Начальный свод использовал компилятивный Хронограф по великому изложению, но не Хронику Амартола,³⁸ то это введение должно было включать сюжеты разделения земли тремя сыновьями Ноя по жребию, строительства Вавилонской башни (из «Малого Бытия»), расселение славян среди 72 языков и потомков Иафета, рассказ о котором завершался упоминанием далее и библейской фразой «и живяху каждо с своим родом и на своих местех». Далее следовали полная киевская легенда (включая мотив Кия-перевозчика, отраженный во введении к НЛ) и, наконец, сюжет о хазарской дани на полянах. Характерно, что Начальный свод завершается (в шахматовской реконструкции) пространством повествованием о поражении трех русских князей — Святополка киевского, Владимира черниговского и Ростислава переяславского от половцев в 1093 г.:³⁹ мотив трех братьев оказывается, таким образом, лейтмотивом первой редакции Начальной летописи — «Повести временных лет».

³⁵ На статус Киева как «выморочного» города без «законных» правителей обратил внимание К. Цукерман (Цукерман И. К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4. С. 64).

³⁶ Повесть временных лет. С. 14.

³⁷ Отметим в связи с этим, что и введение к НЛ в целом соответствует последующему изложению: «Новгородская волость» действительно предшествует киевской, ибо варяжские князья пришли туда еще «во времена Кия, Щека и Хорива» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 106), а Аскольд и Дир — после смерти полянских братьев. Некоторую проблему представляет фраза введения о «градах», что «почаша бывати по местом»: НЛ специально рассказывает лишь об основании Киева. До определенной степени эту проблему проясняет фраза из варяжской легенды: изгнавшие варягов-насилльников словене, кривичи, меря и чудь «начаша владети сами себе и города ставити» (Там же). Очевидно, речь идет о новгородских «пригородах», сепаратизм которых всегда волновал новгородцев.

³⁸ Ср.: Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод. С. 3—26.

³⁹ Повесть временных лет. С. 91—95. Уже говорилось, что в НЛ (С. 202) этот текст отсутствует: там есть лишь скудное сообщение о вокняжении в 1093 г. Святополка и только его (или его и некоего Мстислава — в Синодальном списке) поражении от половцев: новгородца здесь не интересовали киевские события. При этом текст ПВЛ, включающий мотив оскудения земли («от рати и продаж», близкий мотиву введения к НЛ о «творимых вирах и продажах»), содержит также основной сюжет — о княжеских распрях, которые и приводят к нашествиям «поганых». Заметим (вслед за Д. С. Лихачевым), что введение к НЛ не содержит сюжета княжеских распрей и поэтому не может рассматриваться как риторическая параллель к завершающей статье Начального свода.